

НАША СТРАНА

Год издания 66-й. Буэнос Айрес, 15 февраля 2014

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 15 de febrero de 2014 No. 2982

«Вы заслужили, родные, славу и вечный покой»

9 октября 1934 года в Марселе, от руки убийцы погиб югославянский Король-Рыцарь Александр I-й, великий печальник Земли Сербской, любивший Царскую Россию и крестник Императора Александра III-го, не признавший СССР. А через два года, за Королём последовал другой большой друг Царской России – Патриарх Варнава, серб с русским сердцем, отравленный видимо своим келейником. После этих убийств, коммунисты сразу подняли голову; их влияние в Югославии заметно усиливалось, а через несколько лет оно увенчалось успехом – в Белграде появилось зловещее советское посольство, не предвещавшее ничего доброго для страны связавшей себя этим ублюдочным мезальянсом.

На политическом горизонте Югославии тучи стали сгущаться. Во время отсутствия князя Павла, регента страны, подписавшего пакт с Германией, в Югославии произошел coup d'état, во главе которого стал генерал Симович, провозгласивший нейтралитет. Регент был смещён, его заменил королевич – 17-летний юноша, номинально считавшийся главой правительства и ставший королём Петром II-м. По Белграду металась толпа с плакатами и воплями: "Больше рат, него пакт" – "Лучше война, чем договор", и через несколько дней – 6 апреля 1941 года – она началась бомбардировкой Белграда. Двенадцать дней длился германский «Blitzkrieg». Югославия была разгромлена моторизованными частями Вермахта.

Вскоре по нападении Германии на СССР, в Югославии начинаются восстания и нападения титовских банд, главным образом, на сербских националистов, на членов местной администрации... и на беззащитных русских белых эмигрантов, особенно на проживавших в глубокой провинции. Этими красными шайками поголовно уничтожались целые семьи несчастных русских людей. Русским эмигрантским комитетом, было зарегистрировано около 300 случаев зверств, учиненных титовцами над русскими. Многие из наших, спасаясь от местных коммунистов, хлынули в Белград, надеясь найти защиту у генерала Скородумова, ставшего в то опасное время главой русской эмиграции в оккупированной немцами Сербии. И не ошиблись.

Ему, после неоднократных обращений к сербским и особенно к германским властям, удалось, наконец, осуществить давнейшую мечту Белой Русской Эмиграции: возобновить, после 20-летнего перерыва, борьбу с оружием в руках против большевиков – палачей русского народа. 12 сентября 1941 года Скородумов опубликовал приказ № 1, с согласия сербских властей, о формировании Отдельного Русского Корпуса, командиром которого назначался он. Через два дня генерал был арестован Гестапо, за то, что осмелился назвать Корпус Русским, и хотел вести его в Россию, что никак не входило в планы нацистской верхушки. Главный идеолог нацистской доктрины Розенберг, родившийся в Цар-

ской России, во время 1-ой Мировой войны окончивший Московский Университет, – что дало ему возможность избежать мобилизации – требовал для Скородумова смертной казни через повешение. Но немецкие военные его отстояли. Убийственная восточная политика нацистской гетто по отношению к любой России – дело рук этой одиозной личности.

Новым командиром Корпуса был назначен генерального штаба генерал-майор Штейфон. С этого момента начинается славная эпопея Корпуса. Он героически боролся против Тито и его коммунистических орд, за Короля и сербский народ, страдавший от титовцев, хорватов-ушастей, арнаутво-албанцев и босанцев-магометан. Хорваты-ушасты, фанатичные католики, были самыми лютыми врагами сербов: они устраивали им геноцид. Так, летом 1942 года, частями Русского Корпуса от неминуемой смерти было спасено около 12 тысяч сербских беженцев, гонимых ушастами, как скот на бойню, в реку где их расстреливали. Когда чинам Корпуса приходилось покидать какое-либо место, то население часто провожало их со слезами на глазах.

Взаимоотношения Русского Корпуса с сербским правительством генерала Недича, как и с другими национальными подразделениями, особенно с льетичевцами, всегда были дружественны, ибо их объединяла общая борьба с мировым коммунизмом: сербов за восстановление королевской власти в Югославии, а русских за восстановление Исторической России.

Это были боевые братья и по оружию и по идеи. К сожалению, Корпусу пришлось вести борьбу с коммунизмом не на родных полях России, а на Балканах. Но русские добровольцы сражались и в Испании, против интернациональных коммунистических бригад. Русские понимали, что коммунизм стал мировым злом и распространяется как рак. Это гидра-чудовище с девятью головами и на месте каждой отрубленной, вырастают две новые. Её мало рубить как делал Геркулес, а нужно с корнем выкорчевывать. Корпусники понимали,

что борьба с коммунизмом не должна быть ограничена географией.

Приведу пример сатанизма титовцев. На высоте Мачков Камень находилась часовня-памятник, воздвигнутая на том месте, где была братская могила сербских воинов, павших там в 1914 году. Преодолевая подъёмы и двигаясь по горным тропам, корпусники при виде часовни, остановились передохнуть; некоторые зашли в часовню помолиться. И вот, что представилось их взорам. Стены были кощунственно исписаны богохульными ругательствами, иконы обезображены и надруганы, пол часовни загажен человеческими нечистотами, а кости героев-сербов, выброшены из склепа.

Красные артизаны пылали бешеной злобой к корпусникам... и наши это знали. Тяжело раненные сами на себя накладывали руки, если нельзя было их спасти, или умоляли своих же прикончить их, чтобы не попасть в лапы к этим зверям, в особенности к партизанкам – фуриям, страшно их пытавшим. Некоторые команды бункеров, очутившись в полном окружении и расстреляв все патроны, взрывали себя, по примеру легендарного рядового Архипа Осипова. Блаженнейший Митрополит Анастасий, зная о зверствах титовцев, распорядился этих вынужденных «самоубийц», отпевать по церковному обряду.

На боевой клич Скородумова, сразу откликнулось три поколения: в Корпус хлынули суровые деды, ветераны нескольких войн, их сыны, закалённые в боях, и внуки, воспитанные ими в жертвенной любви к Исторической России. Для этих героев Гражданская война, принимала лишь новые формы. Среди стариков попадались и ветераны Русско-Японской войны. Сам генерал Скородумов, после своего ареста в Гестапо, пошел в Корпус простым рядовым!

В стужу и метель, по пояс в снегу, в кровавых боях, при неравенстве в вооружении и при численном превосходстве врага, эти железные полки покрыли себя неувядаемой славой, повторяя героизм незабвенных героев Шипки.

Из 17.000 тысяч бойцов, к моменту капитуляции Германии в строю осталось менее четырёх тысяч солдат и офицеров, сохранивших до конца воинскую дисциплину. Русский Корпус понёс колоссальные потери: 2/3 его людского состава, т. е. почти 70% сложили свои головы, пали смертью храбрых, усеяв своими костями долины, поля и горы бывшей королевской Югославии, борясь против мирового коммунизма. Как написал Б. Патковский:

*В горах далёкой дикой Босны
Они теперь спокойно спят,
Их стерегут чужие сосны,
Над ними плачут и скорбят.
Так спите ж Русские Орлы,
Одни от родины далёкой,
Вы честь России сберегли,
Отдавши жизнь в борьбе жестокой.*

В Русском Корпусе погибло двое моих дядек, а третий – старший брат отца – выжил. Также мой будущий тесть пошёл в Корпус – ему было под 60. А моего отца не взяли по болезни.

Русский Корпус – честь и гордость Императорской России – не ударил немцам в спину, как это сделал власовский генерал Буняченко со своей 1-ой дивизией в Праге. Стыд и позор! Однако Власов в этом предательстве не виновен.

Буняченко мне иногда напоминает Тухачевского, этого палача крестьянских восстаний, душившего их ядовитыми газами. Попав в германский плен, и узнав о смерти родителя, он дал слово русского офицера – и был выпущен немцами, с тем что после похорон вернётся. Своего слова этот мерзавец не сдержал. Презренный советский маршал кончил свои дни в застенках Ежова, с пулей в голове.

Русский же Корпус, обманутый нацистами, остался верен своему слову – слову русских императорских офицеров. Дража Михайлович, которого английская мразь предала, был человеком порядочным, что нельзя сказать о всех четниках – предательски иногда нападавших на корпусников. Вечная слава чинам Корпуса!

Граф А. Коновницын

Роман Днепровский

ЗАЛПЫ ПО ГЕРОЯМ СЕНАТСКОЙ. ЗАЛП ПЕРВЫЙ

*“Революция? Русский Император разогнал её тремя залпами картечи!”
(Аугусто Пиночет)*

*Так громче, музыка,
Играй победу! (из старой песни)*

Господа! Предлагаю выпить по бокалу коньяка – за Веру, Царя, и... и Отечество – если у нас такое когда-то будет. А пока – сегодняшняя моя статья про “героев” Сенатской площади. Я далёк от излишней мистики, но мне, всё же, кажется, что в последние годы над всяким, кто в Иркутске берётся за дело увеко-

вечения памяти так называемых «декабристов», тяготеет какой-то Злой Рок. Судите сами: в июне 2008 года в своём рабочем кабинете был задушен директор Дома-Музея Декабристов Евгений Ячменёв (оставим за скобками, что делал среди ночи в своём рабочем кабинете директор музея в компании двоих малограмотных гастарбайтеров). А недавно губернатор Иркутской области Сергей Ерошенко предъявил серьёзные обвинения заместителю мэра г. Иркутска по капитальному строительству Евгению Девочкину. Напомню, что незадолго до этого в одном из своих интервью господин Девочкин рассказал о планах городской адми-

нистрации установить памятник декабристам в отреставрированном квартале, в котором находится тот самый дом-музей. Мне кажется, есть в этом некая закономерность: как будто, некие Высшие Силы предупреждают иркутян, что не надо бы делать из этих сомнительных «героев Сенатской» ещё один городской бренд...

Почему – «сомнительных»? Уже потому, что сегодня далеко не все иркутяне видят в декабристах тех «героев» и «мучеников за народное счастье», коими они были объявлены официальным советским Агитпропом. В последние годы в местной прессе много писалось и о сомнительности «подвига» дека-

бристов, и о том, что за спинами «героев Сенатской» стоял британский Кабинет Министров. И о, мягко говоря, сильно преувеличенной роли декабристов в деле «просвещения Сибири» тоже было сказано достаточно: вспомним, к примеру, интервью заслуженного иркутянина, бывшего председателя городской Общественной Палаты, известного кинорежиссёра Александра Голованова корреспондентам журнала «Иркутский Кремль».

Однако, мнения известных и уважаемых в городе людей почему-то остались не услышаны «отцами города»... Поэтому, думаю, не лишним будет ещё раз напомнить и муниципальным руководителям, и нашим землякам о том, кто же они такие – «просветители Сибири» и «первенцы российской свободы» – и вместе подумать, а нужно ли нам увековечивать память именно этих людей, или в нашей истории найдутся для этого более достойные имена? Как известно, активная популяризация декабристов в качестве «народных заступников» и «первых российских революционеров» началась после того, как их таковыми объявил другой исторический персонаж – недоучившийся адвокат из Симбирска, чья роль в отечественной истории тоже вызывает всё больше и больше сомнений. Во времена «монополии на истину», которую установила в стране созданная этим самым адвокатом партия, такой порядок вещей принимался «по умолчанию».

Но сегодня мы с вами, уважаемые читатели, можем себе позволить такую роскошь – взглянуть в прошлое не через призму партийных доктрин и инструкций – так воспользуемся же этой привилегией!

Итак... Первое. Ради чего вышли на Сенатскую площадь эти «лучшие люди России», чего они хотели добиться? Со школьной скамьи нам внушали, что вся эта буза была затеяна только ради того, чтобы «освободить крестьян». Но парадокс заключается в том, что освободить крестьян от крепостной зависимости мог любой российский помещик, и для этого ему не нужно было ни выходить на площадь, ни свергать Царя. Более того: именно Русское Самодержавие, в лице Императора Александра I предоставило аристократии эту прекрасную возможность и всячески подталкивало её в этом направлении: ещё в 1803 году Императором Александром I был подписан Указ «О вольных хлебопашцах», дающий помещикам возможность отпускать крестьян на волю.

Однако, этим реальным механизмом, дающим возможность освободить свою «крещёную скотину», воспользовались лишь немногие – а из будущих декабристов и вовсе никто не дал волю своим крестьянам. Почему? Да всё очень просто: не были эти ребята никакими «романтиками борьбы за свободу», а были холодными и расчетливыми прагматиками, и «освободить» крестьян, в случае своей победы, планировали не только от крепостной зависимости, но и от земельных наделов! Не было в России никогда безземельных крестьян: да, при крепостном праве находились они в зависимости от помещика – но фокус в том, что земля-кормилица, с урожаями которой жил и помещик, и крестьяне, находилась в собственности крестьян. А та самая «аграрная реформа», которую планировали первым делом устроить в России господ декабристы, превращала российских помещиков в крупных

землевладельцев-латифундистов, оставляя крестьянам незавидную участь безземельных батраков.

Не будем забывать ещё и вот о чём: исторически сложившееся в России крепостное право было, безусловно, анахронизмом – но это самое крепостное право не только разрешало помещикам торговать крестьянами, но и (вы удивитесь!) накладывало на помещиков определённые обязанности в отношении крестьян, как то: лечить больных и предотвращать эпидемии, содержать старых, немощных и увечных крестьян, обеспечивать крестьян семенами и провиантом в случае неурожая... Вот от этой-то «социалки» и мечтали избавиться «передовые люди своего времени», когда говорили об отмене крепостного права – а заодно, и землю мужицкую надеялись прибрать к рукам, оставляя, как бы в насмешку, своим батракам лишь «кошачий надел» под личный огород («кошачий» – в том смысле, что, как шутили меж собой наши «герои» Сенатской, что «с того надела только кошку прокормить можно»).

Ну, и чем бы это закончилось?... Массовым голодом, который выкосил бы половину крестьянского населения (а «лишние рты» нашим прагматикам с Сенатской были не нужны), массовыми же голодными бунтами – и, в итоге, таким кровавым «чёрным переделом», что никому не показалось бы мало!... Но и это ещё не всё. Давайте посмотрим, что же ещё готовили господа декабристы народам России в случае своей победы. «Свободу, Равенство и Братство»?

Не совсем так... Перво-наперво, метивший на роль «Диктатора Всея Руси» Павел Пестель готовил то, что через сотню с небольшим лет после него рьяно принялись осуществлять его соотечественники Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер и Альфред Розенберг, а именно – «окончательное решение еврейского вопроса» на территории России. Правда, в отличии от своих германских последователей, Пестель не планировал строительства где-нибудь под Лугой или Ржевом концлагерей с крематориями и газенагенами, но всеобщую депортацию всех подданных Империи «Моисеева Закона» очень даже планировал!

По замыслам Пестеля, всех российских евреев предполагалось лишить имущества и под конвоем войск колоннами препроводить до черноморских портов – а там посадить на корабли и отправить в Палестину. Думаю, даже самым горячим сторонникам еврейской эмиграции на историческую родину такой способ покажется м-м... не совсем гуманным, что ли.

Смотрим дальше. «Свобода, Равенство и Братство» виделось нашими «народными заступниками» в очень интересной форме.

Так, предполагалось введение «всеобщего избирательного права». Пусть вас, уважаемые читатели, не обманет это слово «всеобщее»: избирательное право это ограничивалось а) имущественным цензом (нет в собственности земли и постоянного высокого дохода – пшёл вон, был-ло!); б) образовательным цензом (при том, что всё образование – исключительно платное, а о бесплатном образовании ни в одной из декабристских программ вы не найдёте ни слова); в) половым цензом («бабе дорога – от печи до порога!», и никакого права голоса глупым курицам!...). Зато – всё, как у древних римлян и греков! Кр-расота! «...Демократия –

это такой общественный строй, при котором каждый получает возможность полностью реализовать свои возможности: свободные граждане свободно избирают себе форму правления – а рабы, тем временем, создают материальные ценности».

Теперь давайте поговорим о тех, кто стоял за спинами этих «первых дворянских революционеров». Да-да, не удивляйтесь! – декабристы были всего лишь, марионетками, исполнителями чужой воли. Чьей?

«У Британии нет постоянных врагов и постоянных союзников – у Британии есть только постоянные интересы», – этот тезис лорда Дизраэли действовал и тогда. Вспомним: «жемчужиной Британской короны» и в те годы, и позже была Индия – и в Лондоне очень беспокоились, как бы Петербург не решил прибрать эту «жемчужину» к рукам. Из-за этих опасений в 1801 году руками петербургских аристократов британский посол сэр Чарльз Уинворт уничтожил Императора Павла I. А через четверть века лондонский кабинет, воспользовавшись ситуацией междуцарствия, решил установить в России собственный марионеточный режим – а на роль «правлящей хунты» наметил... всё тех же петербургских аристократов, многие из которых были в самом ближайшем родстве с убийцами Императора Павла.

И, кстати, любопытная деталь, о которой наши «декабристоведеды» стыдливо помалкивают: по «случайному стечению обстоятельств» именно накануне 14 декабря 1825 года британский Гранд-Флит, приняв на борт войска и вооружение, покинул свои базы и взял курс на Босфор и Дарданеллы, а также на Финский залив – в аккурат, поближе к месту кульминации.

Но и это ещё не всё: к концу осени-началу зимы к российским границам начали стягивать войска британские военные союзники – Австрия и Турция. Случайность?... Хорошо. Будем настолько наивны, что поверим в «случайность»; поверим, что накануне военного переворота в столице геополитического противника британский Гранд-Флит просто решил организовать для чинов колониальной армии этакую морскую прогулку, чтобы «джимми» поимели редкую возможность встретить Рождество в открытом море. Представим также, что турки и австрийцы – тоже, совершенно случайно! – именно на это время решили организовать военно-патриотическую игру «Зарница» в аккурат, у русских границ... Только вот ведь, что интересно-то: даже после того, как пучка на Сенатской площади был разогнан (всего тремя картечными выстрелами, кстати), даже после того, как участники заговора были переведены с каторги на поселение в Сибири, британцы, почему-то, никак не могли о них забыть. Так, чиновник по особым поручениям при иркутском Генерал-губернаторе Бернгард Васильевич Струве пишет в своих воспоминаниях: «...В Иркутске мы застали англичанина Гиля, который в качестве туриста проживал там несколько месяцев и успел втереться во все слои общества. Вращался он как свой человек в среде чиновников, был вхож во все купеческие дома, встречался постоянно с ссыльным польским элементом, составлявшим довольно значительный контингент, целые дни и вечера проводил в домах Вол-

конских и Трубецких – и всё это с таким кажущимся простодушием, как будто он путешествует только для себя и никаких других целей не преследует. Англичане всюду проникнут, всё выследят, всё узнают для достижения весьма определённо созданных и настойчиво преследуемых целей».

«Ну и что? – спросит читатель, – мало ли, зачем этот Гиль навещал ссыльных декабристов в Сибири? Может, просто чайку попить зашёл...». Очень может быть, что и так. Только вот ведь, какая интересная деталь вытанцовывается: английский «турист» Гиль был далеко не единственным британцем, посетившим в те годы «благородных изгнанников» – такими «туристами» в те годы Сибирь была, буквально, наводнена.

И – надо же, какое совпадение! – прошло ещё совсем немного времени, и Великобритания, в союзе с теми же Австрией, Турцией, и «примкнувшими к ним» Сардинским королевством и Францией, которой управлял марионетка лорда Пальмерстона, Наполеон III, развязывают против Российской Империи захватническую войну.

В российских учебниках эта война известна, как «Крымская кампания», но боевые действия велись не только на Черноморском военном театре, но и на русском Дальнем Востоке, где британская эскадра атакует порт Петропавловск-Камчатский и готовит к высадке на камчатский берег военный десант.

А незадолго до этого, в Акаутуйском Центральном уезде «пламенный революционер», декабрист Михаил Лунин – он, уже будучи в ссылке, загремел в кутузку за то, что регулярно пересылал через сестру какие-то письма... в Лондон. Какие? Советские «декабристоведеды» утврждали, что, мол, «укатали» Лунина в Акаутуй за то, что он-де, написал какую-то пьеску... или не пьеску... одним словом, где-то в этих письмах плохо отозвался об Императоре Николае I. Да только не очень-то верится в это: не того масштаба фигура Николай Плович, чтобы сводить мелкие личные счёты с каким-то ссыльным дворянчиком: речь идёт о банальном шпионаже в пользу Великобритании.

К сожалению, газетная полоса не позволяет рассказать обо всех «художествах» сих сомнительных исторических персонажей, коим заместитель мэра Иркутска Евгений Девочкин решил зачем-то установить памятник в нашем городе. Так, мы ничего пока ещё не рассказали о той «роле», которую, яко бы, «внесли» декабристы в дело «просвещения Сибири». Ну что ж... Значит, есть смысл продолжить наш разговор. В следующих номерах нашей газеты мы обязательно расскажем и об «ужасах каторги и ссылки», и о «неоценимом вкладе» декабристов в культуру нашего края. Поэтому, следите за нашими публикациями – всё ещё только начинается!

Роман Днепровский

**Внесли ли Вы
подписную плату
за 2014 год?
В Аргентине новая
цена на годовую
подписку
равна 250 песо.**

ГЛАЗА КОНДОРА

Н. Казанцев

Вольный перевод Антона Васильева

(Когда после тяжелого двухдневного боя с английской армией 29 мая 1982 годв сдался аргентинский гарнизон городка Дарвин на Мальвинских островах, только три бойца избежали плена. Это были радисты-наблюдатели (кодовое имя "Бигуа"): лейтенант Эдуардо Дагеро и рядовые солдаты Моралес и Коронэл, принадлежавшие к военно-воздушной базе «Кондор». Они дерзко прорвали окружение британского спецназа и затем были вывезены поспешим на вырубку аргентинским вертолетом).

Не должен ослепнуть
«Кондор» без радаров...
Здесь торф перешейка
Да смерти оскал.
Чтоб вражеский «Лунь»
Отлетался задаром,
Радист-наблюдатель
Даст точный сигнал.

Сгубила победу ты,
Трусость штабная!
Но славу героев
В полон не отдать.
Прорвали кольцо,
Над врагом насмехаясь,
Оставив «AirService»
Без соли хлебать.

Припев:
Это сделали «Вигуа»
втроём,
И о них мы вспомним и
споём,
Про защитников родной
земли,
Что врагу не уступить
смогли.

Искали их волки
С несытою пастью,
Стреляя из люков,
В облавы ходя.
Но есть в этом мире
Солдатское счастье,
Оно не оставит,
Нежданно найдя.

Взяла их «вертушка».
Взлетели все трое
Над серой волною,
Над бурой травой.
Спаслись из ловушки,
Вернулись герои!
Ведь тот, кто не сдался-
Издревле герой.

ПИСЬМО ИЗ КАРАКАСА ОТ ЧИНА РУССКОГО КОРПУСА

ЧТО БЫЛО ЗАВЕЩАНО – ДЕЛАЛИ

Многоуважаемый Николай Леонидович! Как всегда Ваш покорнейший слуга тяжек на подъем на переписку, наверное по игривости своих юных лет. Прошу Вас посмотреть сквозь пальцы. Живу довольно замкнуто, визиты к знакомым редки и больше всего околачиваюсь дома, а рука тяжела на подъём. Мне платят тем же, редко получаю весточки.

На днях перечитывая «Нашу Страну» наткнулся на статью по поводу 70-летия Русского Корпуса и статью-интервью «Боевое крещение юнкеров», воспоминания А. Янушевского о нашей первой роте, юнкерского батальона 1-го полка. Помню хорошо Александра Янушевского и его отца Анатолия Иосифовича. В нашем бараке 3-го взвода, моя кровать была рядом с ихними. Александру было 14 или 15 лет. Где были во время боя не видел, но зная отца и его горячую кровь уверен, что он был с сыном на линейке с частью нашего и второго взвода, которые под командой полковника Котляра первые открыли огонь по партизанам.

В воспоминаниях также идёт речь о том, кто убил главу красного партизанского отряда Вука. Сей вопрос ещё не решён. Иван Пиноци и Михаил Фортель, в горячих спорах, каждый присваивал себе эту честь. Если они оба уже ушли из жизни, то уверен, что там на небесах продолжают спорить, а покойные соратники, слушая их, стоят то за одного, то за другого. Володя Грантов со своим отделением был этот момент на другой стороне боя.

«Дела давно минувших дней», по словам великого поэта. Прилагаю мои планы, сделанные давным давно, пока еще была свежа память об этом бое, а также фотографию деревянного бункера и вид на Козью стену, где началась перестрелка.

Как Вы, Николай Леонидович? Я очень почитаю Вас за Ваши труды, жертвенность, крепкую волю в ведении «Нашей Страны» и непоколебимость в нашей Вере и Традициях. Бог Вам в помощь вести дело русскости и в стараниях воскресить в памяти дела и жертвенность наших предков ради величия России! «Да возвеличится Россия, пусть гибнут наши имена!»
Еще не издал мою книгу воспоминаний о службе в Русском Корпусе. Не теряю надежды найти издателя. В 1-ой роте у нас была даже собственная оперетка, мною сочиненная, «Юнкера». Вот отрывок:

*В глухом ущелье по тропинкам
Наша рота вьётся,
Рядом ниже у дороги
Река бурно бьётся.*

*Шагаем вольно, сказы, смех,
Дымятся папироски,
Обильный пот по щёкам льёт
И наши шутки плоски.*

Со мною рядом брат идёт

*Тархана подзывает
А «Слоник Мока» воду пьёт
Жажду утоляет.*

*Чтоб взвод собрать тесней,
Котляр подул в свисток,
И с Ордовским бок о бок
Идёт Полянский «Поплавок».*

*Романсов, песен властелин,
Гитары бог, совсем как мальчик,
То взвода нашего певец
Наш Миша «Шестипальчик».*

*А Морозов с Студенцовым
Мощь басов своих сверяют.
И как огонь свечей тушить
Систему проверяют.*

*Полковник Троицкий учил,
Как к бою быть готовым.
Мурза смешит своих друзей
Шутя ругаясь с Кашкаровым.*

*Пиноци с Фортелем всё спорят
Кто приколошил Вука,
Думбадзе братья им внимают,
И не проронят звука.*

*Собаку «Ваньку» приласкать
Страется Сперанский
И чванно смотрит в стороне
Шура Политанский.*

*Перед ротным командиром
Лустовойтенко стоит
И Гордей-Зарецкий строго
Ему что-то говорит.*

*Только Рибас там идёт
С ним корнет Раевский
И взвода первого друзья
Штауб с Леваневским.*

Прошли года и в веренице дней, в заботах о семье и под грузом повседневной жизни, стала стусеваться память о прошедшем, но в день нашего покровителя, Святого Князя Александра Невского, собравшись вместе, мы всегда славим ту эпопею.

Как-то, вернувшись домой после собрания, одно воспоминание обожгло меня как молнией. В мыслях о бывшем ясно проступил день, когда Корпус уходил на новую стоянку в Тигринг.

Вьётся по дороге ратная колонна Корпуса. Шли подымая пыль, в побелевших от неё сапогах, в потемневших от пота мундирах, со струйками пота на лице, заломив пилотки. Нам, молодым, леса по обочинам дороги, зеленые холмы в дали, голубое небо с барашками облаков, обещали нечто новое.

Впереди появились квартиранты, машут, зовут, заманивают. Тигринг! Чуем, что подходим.

- Эй! Подтянутся! Равняйся по рядам!

Равняйся по живым! Равняйся по Рогожину, Володе Гранитову, по Косте Сафаревичу и другим удалцам, пронёсшим наше имя со славой! Да будут нам в пример павшие в боях, генерал Зборовский, генерал Зинькевич и сотни других, сложивших голову на нашем бранном пути. Слава им! Не забудем!

- Взвод! Рота! Тверже ногу, сомкни ряды, почувствуй локоть друга!

- Полк! Голову выше, грудь вперед, нам нечего стыдиться: там где мы были – о нас знали и нас не забудут!

- Корпус! Что нам было завещано – делали! Шли по стопам отцов, с гордостью, с чувством долга. Не дошли? Знать не судьба.

- Стой! И всё стало.

- Разойдись! И разошлись.

Разошлись по всему белому миру...

Олег Плещакёв

К 65-ЛЕТИЮ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

СОЛОНЕВИЧ, ТУРКУЛ, ХОЛЬМСТОН И ПОДГОТОВКА К ТРЕТЬЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ

5.

Для включения в «акцию» в случае войны Вашингтона против Сталина, Иван Солоневич считал необходимым иметь за своей спиной организацию. И главным её отделом, разумеется, был бы северно-американский. Но представитель «Нашей Страны» в Нью Йорке, П. А. Лиходей, «бунтовал». Для него была неприемлемой ставка писателя на «американского оккупационного генерала»; он считал желанным «революционный захват власти».

Солоневич пытался его переубедить: «Ваш проект совершенно утопический и фантастический. Наши правые, условно-монархические круги сделали себя общественно-неприемлемыми ни для Запада ни для России. — наше движение является еретическим исключением из этой традиции, но и его «аудитория» слаба. Из тех наших людей, которых я например знаю по Буэнос Айресу, нет **никого**, который был бы приурочен для пропагандной, а может быть и организационной работы. Наши **основные** кадры всё-таки в России, и если нас к этим кадрам не пустят, то монархический вопрос откладывается на неопределенно долгий срок времени. Может быть и навсегда, как это случилось во Франции. А, что уж греха таить — наша аудитория переполнена «заскоками»: вот главный виновник революции генерал Алексеев всё еще остаётся кумиром... У нас есть «массы» для голосования и у нас нет кадров для «захвата». Голосования гарантируют нам победу, «захват» может быть только со стороны наших врагов, которые организовано и есть и будут сильнее нас — хотя бы уже по одному тому, что они опираются и **будут** опираться на советский актив — в том числе и на военное командование, которое натаскано на дисциплине и организации — и при одном напоминании о монархии на стенку будет лезть».

Понятным образом, Солоневича раздражало фронтёрство своего последователя. Он ему писал 6 марта 1951-го: «Обстановка сложна до чрезвычайности и **тактические** шаги неизбежны, Если каждый тактический шаг, **никак** не меняющий принципиальных установок движения, будет вызывать аналогичную реакцию — невозможно никакое монархическое действие. Если мы доведем нашу «демократию» до польского «не позвалям» *либерум вето* — то, конечно, работать невозможно. Солидаристы тем и держатся, что «директивы», даже и не существующего в реальности ЦК НТС **выполняются** — если бы они не выполнялись, солидаристы никак не смогли бы так сманеврировать, как они сманеврировали: от союза с Гитлером к союзу с САСШ. Это и есть самая **катастрофическая** черта всего нашего правого лагеря: отсутствие «сознательной дисциплины» — «не позвалям». Мы едем на чужих волах и мы

рискуем не доехать **никуда**».

Создание организации было совершенно необходимо, отказ от неё означал бы политическую капитуляцию и исключение «народных монархистов» из всего дальнейшего. В письме из Уругвая В. К. Дубровскому в Буэнос Айрес от 22 марта 1951 года, Иван Лукьянович набросал такую её схему: «Из Монтевидео выпускается непрерывная листовка, рассылаемая по основным адресам — их вероятно есть сотни две. Организация строится на принципе пятёрок. Работа: новая эмиграция, пропаганда и вообще подбор литературы для передвижек, обращения к прессе — русской и иностранной, подготовка отдельных членов для докладов по специальным вопросам, эти доклады для общей публики или своих, дискуссионные вечера, информация нас о местных делах, в крупных центрах выпуск местных листовок и пр. В частности, из Монтевидео можно было бы выпускать листовки для всей Южной Америки. Или по крайней мере для Аргентины, с местным материалом. Не стесняемым «цензурой» и имея какой-то тираж».

В том же письме он касался нежелания В. К. Дубровского делать ставку на армию ООН: «Ты не прав. Представь себе конкретно: Туркула, Хольмстона, Власова, Жиленкова и Краснова — **без** германского контроля в прошлом и без американского в будущем: получится **резня**».

Несколько дней спустя, 15.3.51 Солоневич в письме тому же адресату рисовал такую возможную картину после поражения Сталина американскими вооруженными силами:

«Неизбежен **распад** Красной Армии на её составные части и какой-то Жуков или Рокоссовский **обязательно** выступят против всякого генерала из эмиграции — и в этот момент без какой-то поддержки от САСШ наш генерал будет вынужден вступить в гражданскую войну — и на победу иметь или очень мало шансов или вовсе ни-каких. Хотя бы уже по одному тому, что базы снабжения будут у бывшего советского генерала — а эмигрантский сможет воевать только при поддержке САСШ... О Хольмстоне. Статьи его какие-то путанные. Вообще же это его старая линия: политика управляет генералами, но генералы должны управлять политикой. Думаю, что имя Хольмстона во главе национальной армии — одно из самых неподходящих: то ли немец, то ли русский, то ли поляк, то ли просто ландскнехт, «подвигов» никаких, прошлого — никакого. Туркул, тот имеет и подвиги и прошлое и имя, да и Туркул в вожди нации — никак не лезет. Представь себе конкретно: война. Там Жуков подымает восстание против Сталина — это будет **обязательно** и это будет накануне полного разгрома Сталина. И Жуков скажет: мы кровь проливали, Сталинград за-

щищали, Берлин брали, а кто такой Хольмстон? Вот тебе и гражданская война. Словом: нужно держать мир и с Туркулом и с Хольмстоном, — а там посмотреть. Но признаюсь: мне совершенно неясно на какую именно лошадь ставит Хольмстон. То ли немцы, то ли американцы, то ли РОВС, то ли власовцы — чорт его знает. Туркул — тот по крайней мере ясен».

Иван Лукьянович возвращается к этой теме в письме от 17-го марта, в котором он резко отзывается о редакторе ньюйоркского журнала «Знамя России» Н. Н. Чухнове:

«Дорогой Сева! Основная **отправная** точка: мы, монархисты, вообще находимся вне культурной и следовательно влиятельной русской общественности, а следовательно, и вне иностранной. Нужно **пробить** стену так сказать общественного бойкота — с этой целью я написал мое письмо в «Новое Русское Слово». САСШ **не могут** и не поставят своей ставки **только** на монархические круги, будет какая-то смесь — вероятно правых социалистов и той беспартийно «прогрессивной» общественности, которая группируется вокруг Мельгунова, «Русской Мысли» и «НРС». Нам разными путями надо разбить законные предубеждения против нас — предубеждения, на которые объективно работает чухновский идиотизм: показать, что мы не реакция и что всяческая терпимость на нашей стороне, и что мы достаточно культурны, чтобы «сидеть рядом» даже с нашими политическими противниками. Что же касается «акции», то можно ли будет в неё входить, или нет, а если можно, то в каком качестве, — этого сказать еще нельзя. Вильямс выполняет только приказы Стэйт Департамента. Эти приказы могут измениться. Если бы получил приглашение на конференцию в Фюссене, я бы конечно поехал, не связывая себя заранее решительно ничем. Но это по крайней мере дало бы возможность непосредственного контакта с американцами — может быть что-то могло бы и выйти. Мой контакт с консулами в Мюнхене и Гамбурге (я там разговаривал, раз — полтора часа, другой раз — час) дал очень одобрительные результаты: «ах вот оно что, а мы и понятия не имели». На политические темы я говорю по-английски очень прилично, почти как по-немецки, вот только американцев понимаю плохо... То, что я предпринимаю, — хотя бы письмо в «НРС» — не есть «заигрывание» перед левыми, это есть **обход** левых перед лицом «широкой русской общественности», которая влияет и будет влиять на американские круги больше чем Скаржинский и Туркул. Удастся ли это или нет, я не знаю. Но вероятно не совсем уж зря и «Социалистический Вестник» и «Русская Мысль» начинают то ссылаться на меня, то отзываться с очень большим сочувствием — год тому назад этого не было. Ты имей в виду: только на Балканах и в Германии Гитлера

«правая» общественность как-то доминировала. В Германии до Гитлера, в Париже, в САСШ левая доминирует **безусловно**. Проблему Хольмстон-Туркул сейчас решить нельзя. Мы не знаем, что есть у Хольмстона. Но я бы предпочел иметь дело с сотней Туркулов, чем с одним Хольмстоном — с ним было бы очень трудно».

Следует пояснить, что с целью создания некоего антисоветского представительства, Спенсер Вильямс, член «Американского Комитета Борьбы за Свободу Народов СССР» организовал в январе 1951-го года в немецком городе Фюссене съезд, в котором приняли участие представители четырех эмигрантских левых антикоммунистических группировок: Лига Борьбы за Свободу Народа меньшевика Б. И. Николаевского, власовский СБОНР (Союз Борьбы за Освобождение Народов России) Яковлева, НТС (солидаристы В. М. Байдалакова) и Союз Борьбы за Свободу России С. П. Мельгунова. Никаких результатов съезд не достиг.

Причину этого провала в «Нашей Стране» № 67, от 21 марта 1951 С. Л. Войцеховский (под псевдонимом В. Вальдемарс), объяснил так: «Мы, монархисты, приветствовали бы консолидацию левого сектора для борьбы с большевиками. К сожалению, Фюссенский съезд был попыткой создания представительства русской эмиграции без участия подавляющего большинства этой эмиграции. Провал был неизбежным финалом этой затеи. К сожалению, этот провал вряд ли чему-либо научит и самих участников Фюссенского съезда и их закулисных вдохновителей...».

Под каковыми следовало понимать традиционно безмозглых чиновников американского Государственного Департамента.

Объяснение Ивана Солоневича: «Нельзя допустить монархистов ни к какой эмигрантской коалиции потому что монархизм является сильнейшим течением России».

Николай Казанцев

НОВЫЙ ТРУД

Мария Кублицкая

Русские книги, изданные в Аргентине. XX век

Покупайте его на сайте Издательства Старая Басманная

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18 сентября 1948 года Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Издательница: Лидия де Кандия. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Электронная версия: www.nashastrana.net Адрес редактора: Nicolas Kasanzew, 9195 Collins Avenue, Apt.812, Surfside, Fl. 33154, USA Телефон: (305) 322-7053 Цена годовой подписки с 1 января 2013 года:

В Аргентине — 200 песо. В Европе — 55 евро. В Австралии — 80 ам. долл. В Канаде — 70 ам. долл. В США и остальных странах — 65 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Переводы на: Bank of America, 5350 W. Flagler St. Miami, FL 33134, USA. Account: 898018536040. Routing: 063000047 Мнения авторов не всегда выражают мнение газеты. При перепечатке ссылка обязательна.

NUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia, Casilla de Correo 27, Suc. Lomas de Zamora, 1832 Pcia. Bs. As. Argentina. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представители: в США — N. Tkachov, 1450 20th Ave, San Francisco, Ca. 94122 USA. Во Франции — E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Редакция имеет право сокращать полученные материалы. Электронный адрес: nikasanzew@hotmail.com